

ДМИТРИЙ ВОЕВОДИН

ДЕВЯТАЯ ЖИЗНЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В63

Иллюстрация на переплете *Ани Награни*

Воеводин, Дмитрий Владимирович.

В63 Девятая жизнь / Дмитрий Воеводин. — Москва : Эксмо,
2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-243235-4

Что ты отдашь, чтобы стать счастливым?

Сестры-двойняшки, одна из которых обладает пугающим даром видеть чужое будущее, но должна заплатить страшную цену за попытки в него вмешаться. Лифт в старом доме, который привозит не только людей, но и их двойников из параллельного мира. Черный кот, спасенный из сгоревшего дома, который приносит удачу владельцам, пока на пороге не появятся его настоящие хозяева...

Перед вами сборник мистических рассказов Дмитрия Воеводина, где смешались запахи лекарств из палаты умирающего, холод ночного леса и невыносимая тоска по тому, что никогда не случится!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243235-4

© Воеводин Д., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Кристине, которая поверила
в мои истории раньше, чем я*

ТО, ЧТО ВАЖНО

I

Сестрички Трифоновы родились зимой в четыре утра, разойдясь на выходе в несколько минут. Условно старшая, Лиза, оказалась криклива и в целом нормальна. Второй имя дали не сразу, молчаливая картофелина не реагировала никак на внешние раздражители, чем перепугала мать и докторов — те упорно твердили, что девочка либо не жилец, либо идиотка.

В конце концов назвать решили Ниной — в честь бабки по матери, которая к моменту рождения внучек второй год лежала в огороженном занавесками закутке в дальнем углу пятистенной избы. Бабка не вставала: ноги не держали, а изношенный мозг терялся, сбоил, не понимал, куда и зачем идти. Так и лежала на высокой кровати с блестящими набалдашниками, в прелой полутьме и в метре от красного уголка с пластмассовыми цветками вокруг икон.

Отец девочек Николай, всю жизнь шоферивший на тяжелых автомобилях и мало чему удивлявшийся, вроде бы и готовился к событию, а все равно ошалел от пополнения. Молча привез их с супругой Марией домой, они поднесли сонные кульки бабке, показать, как положено. Та, находясь в обычном своем

оцепенении, с любопытством взглянула на полужнакомых людей сквозь пелену, которая за последние годы становилась все толще, мягче и непрогляднее. Потом взглянула на младенцев и, кажется, не очень поняла назначение двух живых и сопящих комков плоти. По очереди ткнула в оба пальцем, сначала в начинавшую пробуждаться Лизу, потом в Нину. На теске задержалась и будто вспомнила что-то — на лбу собрались морщины. Попыталась сказать, но не вязались слова, предложения никак не загустевали. Поразевала рот, да и отвернулась. Потом только через силу выдавила, словно огрызок от мысли:

— Наша...

С младенчества девочек приучали к бабушке не приближаться и не беспокоить ее. Они туда особо и не совались: неинтересно и страшновато.

Не считая разницы в темпераментах и внешней похожести — не близнецы, но двойняшки! — детство девочек ничем примечательным не запомнилось. В два года Лизу укусила в ногу соседская дворняжка. В четыре Нина распорол ступню о гвоздь — заживало долго, а забылось быстро. Сестринская любовь иногда достигала пика — и тогда они упоенно играли с единственной куклой в доме. Когда начинался отлив, доходило и до нехороших слов, и даже до порванного свитера однажды. Но в общем тоже как у всех.

К тому времени как девочкам исполнилось пять, семье дали квартиру, аккуратно под Олимпиаду. Не то чтобы в городе, но планы на станцию метро неподалеку уже были. Переезд стал событием гигантским

ТО, ЧТО ВАЖНО

и не для всех приятным. Уже когда перевязали тряпьем в кузове грузовика комод, кровати и всякое по мелочи, когда забрали вазы, открутили полки и начали аккуратно переносить бабушку в стоявшую тут же легковушку — она там, за пеленой, будто почувствовала, как рвутся только ей видимые струнки, и негромко завывала. В своем забытье она прожила куда дольше отведенного докторами срока и теперь откровенно не понимала, почему уклад ее жизни меняется и все, к чему она привыкла, привязано надежно к бортам грузовика.

Трехкомнатная квартира — новая, пахнувшая краской, деревом, строительной пылью — убила бабушку Нину за два месяца. От еды она отказалась совсем, а приходившие с уколами доктора, имевшие при себе разве что грушу тонометра да стетоскоп, разводили руками: ну а чего вы хотите? Здесь у нее тоже был закуток, отгороженный новым громоздким шифоньером, и тоже были иконы и окно, в которое она не смотрела. И девочкам, как и в деревне, строго-настрого было запрещено к ней приближаться и беспокоить ее.

Нина, впрочем, смутно помнила, что однажды, когда мать была занята уборкой, а Лизка с отцом отправились в магазин, ей таки пришлось обогнуть несуразный коричневый шкаф и дойти до пахнущего лекарствами угла. Не по своей воле: синий резиновый мячик с тремя белыми полосками на боку, совсем новый, не опробованный еще ни на маминих вазах, ни на кошке, выскользнул из пальцев и неожиданно резво покатился в ту комнату, где

жила баба Нина. Девочка побежала за синим виляющим пятном и оказалась там, где находиться было нельзя.

Мячик торчал блестящим боком из-под кровати, а бабушка вроде как спала. Девочка даже не вздрогнула, когда почувствовала узловатые пальцы на своей руке. И кажется, баба Нина ей что-то говорила и не отпускала ее руку. Это было необычно: за пять лет та произнесла слов десять, сплошная абракадабра, ничего не понять. Нина-девочка заплакала, а Нина-бабушка шептала. Запомнилось белое лицо матери, которая прибежала и потащила дочь от кровати, и тут начиналась в воспоминаниях совсем какая-то нелепица: мама была крепкой, сильной, а бабка сухой, маленькой и седой, но разомкнуть пальцы мама Маша сумела не сразу.

Бабушка Нина умерла через день после события с мячиком, и на поминках сидели отчаянно малым составом: из деревни ехать никто не хотел, а в городе знакомых как-то не завелось. Шифоньер встал на законное место у стены, а лекарственный дух из угла третьей, самой большой комнаты постепенно выветрился.

С возрастом девочки начали отличаться друг от друга, словно сбрасывали пухлую детскую, примерно одинаковую, оболочку и являли в характерах новые грани. Лиза становилась прагматичной, Нина витала в облаках. Лиза затерла до дыр энциклопедию, а Нина не выпускала из рук зеленый томик сказок — обложка давно потерялась, и страницы держались меж изорванных листов форзаца.

ТО, ЧТО ВАЖНО

Само собой разумеется, Нина была куда чувствительнее. Так, например, в шесть лет ее вдруг ударило мыслью, что любой человек может солгать, глядя ей в глаза, — и она двое суток сидела с чувством безотчетной тревоги и страха. Когда она поделилась этим — значимым для нее — открытием с сестрой, та лишь пожала плечами. Нина не понимала, как можно быть уверенным хоть в ком-то из окружающих ее людей. Определенный рейтинг доверия был у Лизки да у мамы с папой — не по их добродетели, а просто: ну куда ж от них денешься? Дальше — чернота, сквозь которую она не видела. К вечеру второго дня, уже уплывая в сон, она почему-то почуяла запах лекарств — и сложилась в голове забавная картинка из падающих сверху разноцветных цветков (они как раз не пахли ничем, хотя, казалось бы, такие красивые...).

С той же поры Нина научилась делить людей на тех, кто мог обидеть, и других, за которых можно — нужно было — вступаться. Неумная фантазия, щедро сдобренная сказками, выдала ей такой образ: маме, папе и Лизке она выдаст невидимый щит от врагов, как у Ильи Муромца на картинке из книжки. А вот что делать с этими самыми врагами, она так и не поняла, расчерчивая у себя в голове первую детскую систему координат жизни.

— А себе-то щит сделаешь? — усмехнулась насмех сквозь материалистичная Лиза, услышав стратегию сестры, которая с серьезным видом изложила ей свою концепцию взаимодействия с миром.

— Как-нибудь и себе, наверное, сделаю, — задумалась Нина.

Услышав соображения дочери, Мария ненадолго встревожилась и даже побеседовала со знакомой докторшей из интеллигентных, но та ее успокоила, объяснив, что ребенок чувствительный, что из таких и писатели получаются, и музыканты, и еще всякие.

Нина, конечно, позабыла частично эту неделю нервозности, но так и не забросила накрывать воображаемым зонтиком совсем уж убогих, типа глупого Коськи с толстенными окулярами очков, над которым одноклассники как только не измывались.

В восьмом классе с девочками произошло знаменательное событие: их позвали гулять. Обеих сразу. Не будучи круглыми отличницами, они великолепно вписывались в самую широкую социальную страту своего класса и в целом считались «своими девчонками». Компания собиралась за гаражами, мальчики и девочки, у кого-то даже была гитара, а еще кто-то слил у отца из бутылки деревенского самогона. Нине нравилось все: и смеяться над несуразным Толиком, который весь вечер старался извлечь из гитары минимально приемлемый мотив, и попробовать вонючую папиросу, и отбрасывать шутки Стасика из девятого «А» — с ней Стасик почему-то становился особенным острословом. Лиза иногда морщилась, считая мелкую, как она ее про себя называла, слишком шумной и разбитной, и на сырые от дождя бревна не садилась, но этими посиделками она как бы цементировала свой статус в пищевой цепочке восьмого «В», поэтому уходить тоже не торопилась.

ТО, ЧТО ВАЖНО

— Чо, малая, давай попробуй. — Стасик протянул Нине мутный стакан, один на всю компанию. В стакане плескалась беловатая жидкость на два пальца, и приложились к сосуду уже почти все. Нина помедлила и с опаской взглянула на сестру. Та, как обычно, морщилась, но явного неодобрения не высказывала. Обе, впрочем, хорошо знали, что, если такое вскрыется дома, убьют обеих: отец алкоголь не переносил.

— Да ну ты, Стасик, бормотуху твою пить, — попыталась отскочить Нина. — Вот у нас папка ликер привез недавно, там прям вкусно было... А тут...

Она никогда не пробовала алкоголь, и ликера никакого не было, но ответ должен был быть железобетонным, чтоб Стасик отстал.

— Зассала, что ль? — Методы девятиклассника были отчаянно простыми, но эффективными.

Ситуация начинала выходить из-под контроля, да и резкая смена отношения девочку не радовала. Вырвав из пальцев с заусенцами стакан и шумно выдохнув для смеху, как показывали в телевизионных комедиях (тут тоже засмеялись), Нина зажмурилась и глотнула.

За три месяца до этого дома появился телевизор. Собственный, огромный коричнево-черный ящик, с не всегда четким изображением, он оказывал на Нину поистине волшебный эффект. Смотреть в него она была готова часами, даже если там не происходило ничего интересного. А если начинался концерт или мультфильм, она смотрела в экран как замороженная, не замечая темноты вокруг све-

тящегося экрана и надеясь, что родители не загонят спать. Телевизионная картинка помогала ей заполнять пробелы в понимании того, как работает окружающий мир. Так и не смирившись с тем, что душа другого человека для нее — потемки навсегда, Нина пыталась компенсировать это незнание информацией о том, как там что еще происходит в жизни.

Когда обжигающая и вонючая жидкость ухнула в пищевод, Нина сначала увидела окруженное тьмой белое пятно. Пятно расширилось и наконец превратилось в прямоугольное окно, с рябью, но до рези в глазах яркой картинкой. «Телевизор», — отстраненно подумала девочка. Так же отстраненно подумала, что ее сейчас стошнит, но не открыла ни глаза, ни рот. Стало страшно и интересно. В раскрывшемся окне она видела дорогу и краешком сознания даже узнала ее — дорога вела на ближнюю речку, к лодочной станции, они туда летом ездили с родителями. По дороге мчался черный мотоцикл «Ява», на нем сидели два подростка. В том, который сидел сзади, Нина опознала Стасика и даже хихикнула: «Вашу маму и там и тут показывают». Водителя она не знала, но решила, что это Стасиков старший брат: он им постоянно хвастался.

Мотоцикл, не снижая скорости, вылетел на перекресток — прямо в тяжелую железную морду грузового «Урала». Звука не было, поэтому еле слышный жалкий крик у Нины додумался сам. Брызнули мелкие металлические детали мотоцикла, а два тряпичных, странно переломанных тела покатались по асфальту, оставляя за собой липкие вишневые до-

ТО, ЧТО ВАЖНО

рожки. Громада грузовика проехала еще несколько метров, подминая под себя хлипкий остов мотоцикла, и остановилась, одно из колес накрыло запрокинутую руку лежавшего навзничь Стасика, словно скалка — тонкую полоску пельменного теста.

Нина открыла глаза. Телевизора не было, вокруг стояли серые гаражи, в стакане плескался самогон, одноклассники хихикали. Лиза смотрела непонимающе. В голове начинался шум, тринадцатилетний организм без боя сдавался ядреной деревенской сивухе.

— Во-о-о-о-о! — заревел Стасик. — Наш человек!

Чувствуя тошноту и тепло внутри, стремительно пьяневшая Нина стояла, улыбалась, слушала разговоры вокруг. С вялым удивлением отметила, что Лиза тоже пригубила.

Стасик тем временем хвастался:

— Я в воскресенье еще привезу — там настоящий портвейн, все попробуете! Закачаешься!

Нина хихикнула.

— Как же ты привезешь, если ты мертвый будешь?.. — Слова казались такими логичными до того, как она их произнесла.

— Чего? — непонимающе мотнул головой Стасик. — Тришка, ты окосела уже, что ли?

— А ты на лодочной станции портвейн берешь, да? Ты туда не езд. Вас грузовиком сшибет. Кровищи будет!.. — Девочка пьяно вздохнула. — Ты сразу помрешь, брат до больницы доедет.

Гитара замолчала. Лиза смотрела обеспокоенно, парни посмеивались.

ДМИТРИЙ ВОЕВОДИН

— У Трифоновой номер два поехала крыша, — хихикнул Толик-гитарист, потом обернулся к Лизе и с напускной тревогой спросил:

— У вас это не семейное, случайно? Чертей гонять.

— Рот закрой, — огрызнулась Лиза и решительно подхватила сестру под мышку, понимая, что надо срочно вести ее домой. С тоской подумала о том, что скажут родители. Такой хороший вечер был...

— А кровь — она как вишня, — продолжала бормотать Нина, — такие дорожки, как от компота, на дороге, темные. Лизк, а у тебя телевизор не включали? Фу, чем пахнет так...

Сразу после ее вытошнило на новые кеды.

* * *

Проснувшись на следующий день, Нина с удивительной ясностью помнила все. И как Лиза тащила ее домой, и как орал, порываясь взяться за ремень, отец, и как смотрела мать. Еще она помнила телевизор, но при малейшей попытке восстановить перед глазами картинку к горлу подкатывала тошнота. В школу ее, конечно, не отправили, поэтому пришлось лежать и скучать дома. Записка на столе от ушедших на работу родителей строго гласила: «Котлеты в холодильнике! Из дома ни шагу! Вечером разговор!»

Съев, не разогревая, пару котлет и выпив сладкого чая, девочка устроилась на кровати с книжкой, что-то про современных робинзонов, но сосредото-

ТО, ЧТО ВАЖНО

читься не могла и снова уснула. Разбудил ее звонок в дверь. Взглянув на часы и удивившись тому, сколько проспала — было уже двенадцать, — Нина побежала открывать. На пороге стоял Валерчик, сосед сверху. То есть для нее он, конечно, был дядя Валера, это между собой Валерчиком его звали родители и все остальные жители подъезда. Валерчику было под сорок, носил он исключительно домашние трико с пузырями на коленях, а поверх тощих плеч накидывал неопределенного цвета куртку.

У Валерчика был обход: не хватало тридцати копеек. К Трифоновым он стукнулся без особой надежды: знал, что все на работе, а девочки должны быть в школе. Он вообще испытывал боязливое уважение к родителям девочек и просил здесь нечасто. Но его уже начинало потряхивать — верный признак того, что действовать надо быстро.

— Родители на работе, что ль? — разочарованно протянул он, заглядывая в глубь прихожей, словно надеясь разглядеть там взрослых. — А ты чего дома сидишь?

Нина не отвечала. Она в этот момент очень ясно и с легкой грустью поняла, что окончательно сошла с ума. Сквозь засаленную куртку она видела худое, с маленьким брюшком, тело. Не касаясь, чувствовала сухую немытую и грубую кожу. А из-под кожи ей прямо в глаза светило. Серовато-белесое свечение шло от двух пожухлых крылышек легких. Красным бился комок сердца. Синевато-зелеными бугорками пульсировала печень. Желудок был желтый, как лампа светофора, и в нем она видела белое. Отрешенно

ДМИТРИЙ ВОЕВОДИН

подумала, что это там, очевидно, рыба и, очевидно, из универсама на углу, маме надо сказать: она давно запечь хотела... Еще была вторая мысль — что все здесь не так и так быть не должно, она видела в учебниках, как все это выглядит, а здесь было лишь разложение и гнилье. Вспомнился запах перемешанных с землей мокрых листьев, которые она месила резиновыми сапогами на похоронах бабушки.

Нина завизжала и захлопнула обитую дерматином дверь. Валерчик, почесавшись, хмыкнул — дурная у интеллигентов девка — и пошел дальше, а она не вылезала из-под одеяла до трех часов, пока не пришла Лизка.

* * *

Через неделю мотоцикл, на котором Стасик и Витя Масловы мчали на лодочную станцию, налетел на грузовик «Урал». Стасику сломало шею сразу, а его брат Витя почти минуту лежал на обочине в сознании, повинуюсь сбоящей мозаике синапсов и почему-то удивляясь, какая тут сырая земля, хотя дождя вроде не было. Еще промелькнуло ощущение, что половина черепа куда-то делась и хрен он ее найдет в этих кустах, а затем его укутала белизна комы, и к больнице он уже не дышал.

Валерчик скончался двумя днями позднее: цирроз был уже такой, что лечить бесполезно.

Про алкаша соседа никто и не удивился, а вот после того, как по улице пронесли закрытые, с красной обивкой, гробы с братьями Масловыми, Нину

ТО, ЧТО ВАЖНО

пришлось срочно переводить в другую школу. Родителям она ничего объяснить не смогла: не знала как. Но однажды после школы пришла с огромным кровоподтеком чуть ниже виска: запустили камнем из бывшей компании Стасика, что вечно бурлила у крыльца школы. Не из большой любви к нему даже, а так — интригующее развлечение, ведьма сраная.

Мать отправилась к директору школы, и та тоже ничего не смогла объяснить. Вся история до нее дошла от собственной дочери, которая была тогда за гаражами и видела побелевшую пьяную Трифонову, и теперь у крепкой дамы-хозяйственницы случился внутренний конфликт: в чертовщину она не верила категорически, но и неприятностей в школе ей не надо было. Ласково посоветовала Марии перевести девочек — хотя бы одну! — в другую школу. Ну и следить получше, конечно, куда без этого. Покивали и повздыхали, по-бабьи друг друга поняли: Мария была кротким человеком — и убедить ее было легко в чем угодно. Девочка сложная, вышел конфликт, какой не знаю, но вот ребята больно обозлились... А учится она хорошо, почти отлично, так и чего портить ей жизнь, вам ведь и самой этих проблем не надо. Историю о предсказании директорша при ней ворошить не стала: зачем...

* * *

То, что Нина теперь ездила в новую школу, поначалу девочек сблизило. Дома они пересказывали друг дружке новости прошедшего полудня, под ве-